

пор, пока это не станет для историков очевидным, природа горского и, в частности, адыгского феодализма не будет раскрыта в полной мере. Каждый народ, если мы хотим его познать, как и отдельная личность, требует к себе особого, индивидуального подхода. Это совершенно не исключает использования общих методологических установок, но требует учета историко-культурной специфики исследуемых народов.

Дело, как мы видим, не в самом обычае избегания, хорош он или плох. Проблема совсем в другом — в представлении о месте этической позиции этнографа в методологии этнографического исследования. Видимо, как раз по этому пункту наши мнения расходятся.

ON THE SIGNIFICANCE OF THE ETHICAL STANCE OF THE RESEARCHER IN ETHNOGRAPHICAL STUDIES

The paper represents a reply to certain remarks by Ya. S. Smirnova and A. I. Per-shits regarding B. Kh. Bgazhnokov's book «Adyghe etiquette». The motivation of avoidance customs suggested by these authors must be considered incorrect since it takes no account of the psychology of the people themselves. The opinion is expressed that the treatment of avoidance customs as a means of suppression or humiliation of certain members of the family and kindred group stems from a too direct interpretation of the doctrine of socioeconomic formations and an erroneous idea of the role of the ethnographer's ethical stance in the methodology of ethnographical research.

Г. Е. Марков

ОБЫЧАЙ ИЗБЕГАНИЯ И ПРОБЛЕМА «ПЕРЕЖИТКОВ»

В статье Я. С. Смирновой и А. И. Першица «Избегание: формационная оценка или „этический нейтралитет“» ведется дискуссия с Б. Х. Бгажноковым по поводу обычая «избегания» у адыгов и ставится ряд проблем, имеющих широкое теоретическое и актуальное политическое значение. В дискуссии затрагиваются вопросы сопоставимости различных культур и культурных ценностей на одном и на разных формационных уровнях; определения места традиционных общественных институтов в современном социальном развитии и их роли в этнической культуре с позиций «культурного релятивизма» и учения о социально-экономических формациях; исследование генезиса обычая избегания у адыгов и его места в их современной культуре. В связи с этими вопросами встает давно назревшая для обсуждения проблема существования и значения для истории культуры так называемых «пережитков». До сих пор отсутствует общепринятое определение этого понятия и существуют различные мнения о том, что следует считать пережитком. Актуальное значение имеет также вопрос о роли разных элементов традиционной этнической культуры, в том числе и пережитков, в формировании социалистического образа жизни. Хотя в обсуждаемой статье эти вопросы затрагиваются с разной степенью полноты, тем не менее ее можно считать хорошей основой для развертывания дискуссии по названным проблемам.

С тем, чтобы сразу определить свои позиции, отмечу, что целиком разделяю основные теоретические и практические выводы статьи

Я. С. Смирновой и А. И. Першица и их критику культурного релятивизма, выражающегося в отрицании возможности сопоставления культурных ценностей разных народов. Полагаю, авторы правы, требуя применения «формационного критерия», о котором они пишут, что он «...делает возможным сопоставление в каждую историческую эпоху культурных явлений, более или менее продвинутых по шкале всемирно-исторического прогресса. И поскольку этот критерий отражает познанную историческую закономерность смены восходящих ступеней развития, он является не этноцентрическим или регионоцентрическим, а объективным, подлинно научным критерием». И далее: «...формационный критерий является достаточно надежным мерилем объективного сопоставления этнокультурных ценностей» (стр. 68).

Наконец, считаю справедливой негативную оценку обычая избегания для социалистической культуры.

Вместе с тем отдельные теоретические вопросы, поднимаемые в рассматриваемой статье, прежде всего проблема «пережитков», нуждаются в дальнейшей разработке и детальном обсуждении.

Начнем с рассмотрения этой проблемы. Как известно, изучение «пережитков» и их использование в целях ретроспективного анализа культуры составляли важную часть эволюционистской методики исследования. При этом явления, рассматривавшиеся как «пережитки», считались окостеневшими реликтами прежних хозяйственных, общественных, семейных, духовных и иных элементов культуры, продолжавших бытовать как рудименты в новых условиях. Эти взгляды подвергались неоднократно серьезной критике со стороны ученых, принадлежавших к разным этнографическим школам и направлениям. Тем не менее эти взгляды оказались живучими, о чем свидетельствует и настоящая дискуссия.

Понятие «пережиток» можно определить как реликтовое или рудиментарное явление в виде элемента культуры, общественного института, обычая, продолжающих бытовать в обществе после достижения им более высокого уровня социально-экономического и культурного развития. Иными словами, пережиток — это реликт или рудимент, бытующий за пределами социального организма, в котором он возник. Явления, называемые в литературе «пережитками», могут быть подразделены по крайней мере на две разновидности.

К первой относятся пережиточные явления, в прямом смысле этого слова реликтовые или даже скорее рудиментарные. Их генезис восстанавливается с большим трудом или вообще остается невыясненным. К числу реликтово-рудиментарных явлений культуры относятся элементы религиозных воззрений и культовых действий, многие семейные, похоронные и прочие обряды и ритуалы. Возможно, к этой категории явлений следует отнести и экзогамию в форме, сохранявшейся у народов периферии классовых обществ в новое время, — институт, причины возникновения которого остаются загадочными, так как породившие его общественные условия исчезли еще в глубочайшей древности, скорее всего в процессе оформления древнейшей общественной организации человека современного вида. Следует подчеркнуть, что реликтово-рудиментарные пережитки не обнаруживаются в хозяйстве, социальной структуре, семейной организации общества. И это понятно, так как их нормальное функционирование является условием существования общества, развития разделения труда, а тем самым и дальнейшего социально-экономического и культурного развития. Сохранение в этих областях жизнедеятельности общества пережитков оказалось бы для него пагубным. Поэтому пережитки в этих сферах общественной жизни устраняются «естественным социальным отбором». Области человеческой культуры, где рассматриваемая разновидность пережитков может бытовать до известного времени, не нанося существенного вреда функ-

ционированию социального организма, — это уже названные выше сферы духовной жизни: религия, обряды, некоторые обычаи. Но по достижении обществом определенного уровня социально-экономического и культурного развития эти пережитки становятся для него тормозом и изживаются. Как будет показано ниже, это как раз относится к дискутируемой проблеме «избегания» у адыгов.

Вторая разновидность явлений, определяемых в литературе нередко как «пережиточные», значительно сложнее по своему составу и характеру и может быть в принципе подразделена на несколько категорий, часть которых далеко не бесспорна в смысле своей «пережиточности». Как правило, явления, относящиеся к этой разновидности, представляют собой живые, действующие общественные институты, но схожие по форме (скорее мнимо, чем в действительности) с более древними общественными институтами, бытовавшими в условиях более ранних социально-экономических формаций. Это предполагаемое сходство и является основанием, почему такого рода явления причисляются к «пережиткам». Но «сходство» это, как сказано, часто мнимое даже по форме, не говоря о содержании, и ошибка проистекает от несовершенства методики установления аналогий. Ошибочные заключения о «пережиточности» тех или иных явлений и попытки возведения их к первобытным институтам объясняются главным образом двумя причинами. Первая из них связана с несовершенством применяемой терминологии. Называя те или иные явления определенным термином, часто условным, исследователи начинают затем искать в изучаемом элементе культуры признаки, соответствующие содержанию этого термина. А так как многие термины связаны с доклассовым обществом, то в явлениях, названных (условно) этими терминами, начинают искать первобытные черты. Характерный пример такого рода — обширная литература по общественной организации кочевников. Из дореволюционной литературы было заимствовано ее определение как «родо-племенной», что соответствовало взглядам большинства старых исследователей на общественный строй кочевников как на первобытный. Но исследователи, заимствовавшие этот термин, стояли на позициях признания у кочевников более или менее развитых классовых отношений. Тем не менее было распространено определение кочевнической «родо-племенной» организации и «родо-племенных» отношений как пережитков первобытнообщинного строя, что вступало в вопиющее противоречие с характеристикой общественного строя. Совершенно очевидно, что кочевничество не могло существовать, имея общественную (племенную) организацию, противоречащую их социальному строю. Такое общество или погибло бы, или привело бы свою организацию в соответствие с общественным строем. Таким образом, в данном случае «пережиточным» оказался только термин, а не социальное явление, которое пытались объяснить, исходя не из фактического значения института, а из термина. Налицо фетишизация термина, что представляет собой не столь уж редкое явление.

Второй причиной, почему те или иные социальные явления называются порой пережиточными и возводятся к первобытной традиции, является их недостаточная исследованность как функционально действующего элемента социальной системы. Непонятное явление объявляется порой пережитком первобытной эпохи. Отсюда многочисленные в литературе и не всегда обоснованные поиски пережитков первобытного промискуитета, группового брака, матриархата, тотемизма и тому подобного. Между тем многие явления, называемые пережитками первобытности, возникли на самом деле уже в эпоху классового общества. Так, нередко «пережитки» «матриархата» представляют собой отражение представлений, связанных с культом плодородия и матери в раннеклассовых или рабовладельческих обществах. К этой же стадии исторического развития относятся и многие «пережитки» промискуитета и груп-

пового брака¹ (храмовая проституция и т. п.). «Пережитки» тотемизма нередко не что иное, как остатки культа животных, бытовавшего в тех же раннеклассовых обществах.

Из сказанного не следует заключать, что вообще отсутствуют пережитки, которые могут быть возведены к первобытной эпохе. Они существуют, но их значительно меньше, чем можно заключить по литературе, и, для того чтобы доказать связь того или иного культурного элемента с первобытной традицией, необходимы веские исторические доказательства, которые обычно отсутствуют. Сказанное имеет прямое отношение к проблеме выяснения истоков обычая избегания.

Обратимся теперь к более узкой проблеме, тесно связанной с рассмотренным вопросом о пережитках, к проблеме «избегания», в том числе у адыгов.

Я. С. Смирнова и А. И. Першиц называют четыре подсистемы избегания, характерные для обществ, живших «патриархально-феодальным строем» и сохранившие «патриархально-родовой быт». Это: ограничение отношений между супругами; между родителями и детьми; между каждым из супругов в отдельности и их родственниками. В обсуждаемой статье ее авторы ограничиваются анализом последних двух подсистем: отношениями невестки и зятя с их родственниками и связанных с этими отношениями обычаев избегания. Предлагаемая классификация видов избегания не вызывает возражений. Достаточно убедительные выводы дает анализ двух подсистем. Вместе с тем можно полагать, что более широкая и общая постановка вопроса об обычаях избегания позволит дальше развить положения Я. С. Смирновой и А. И. Першица, тем более что обычай избегания имел большое распространение не только на Кавказе, но и у многих других народов, находившихся на сходном уровне социально-экономического развития. В связи с этим может быть предложена иная, более общая система классификации видов избегания, включающая рассмотренную и построенную по историческому принципу возникновения отдельных ограничений. Схема эта рассматривает «избегание» в связи с: 1) полом, 2) возрастным классом, 3) родственными отношениями, 4) социальным статусом. Проблема исторического приоритета запретов в первобытном обществе в связи с половыми и возрастными признаками недостаточно ясна, хотя не исключена возможность, что половое разделение труда (а тем самым и запреты) возникает несколько раньше, чем возрастное. Ограничения, связанные с родственными отношениями, скорее всего более поздние. Ограничения, связанные с социальным положением, появляются по мере разложения первобытных отношений.

Однако в рассматриваемом случае, т. е. применительно к обществам недавнего прошлого, нет нужды возводить обычай избегания к первобытности. Он тогда тоже, очевидно, существовал, но выглядел иначе и основывался на существовавших в то время общественных отношениях. Избегание же у адыгов и многих других народов (во всех четырех перечисленных вариантах) было порождением бытовавших у них разделения труда и социально-экономических отношений.

В обсуждаемой статье критически рассматриваются четыре концепции о происхождении института «избегания». Две первые, объясняющие его возникновение обычаями насильственного умыкания жен и условиями группового брака, авторы обоснованно, на мой взгляд, отвергают².

¹ Немалое число явлений, называемых в литературе «пережитками» промискуитета и группового брака, сомнительны в смысле их пережиточности уже потому, что в новой трактовке эти институты значительно отличны от распространенных о них ранее представлений, на которых основывались выводы о «пережитках». См., например, Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 115, 158 и др.

² Я. С. Смирнова и А. И. Першиц отмечают, что «концепция группового брака, хотя и получила новую трактовку, продолжает сохранять прочные позиции в науке» (с. 63). Между тем эта новая трактовка группового брака сильно отличается от традиционной.

Согласно третьей концепции, избегание рассматривается как пережиток порядков эпохи перехода от матрилокальности к патрилокальности. С известными дополнениями и оговорками Я. С. Смирнова и А. И. Першиц склонны присоединиться к этой гипотезе. Но и она не бесспорна. Известно, что в недавнее время в нашей литературе велась дискуссия о приоритете матрилокальности и патрилокальности, так и не получившая завершения. Кроме того, если взять, например, кочевников, у предков которых матрилокальность если и существовала, то очень давно сменилась патрилокальностью, трудно объяснить, почему именно у них столь распространены разные формы избегания.

Справедливой критике подвергается в рассматриваемой статье четвертая концепция, дающая «психологическую» трактовку причин бытования разного рода «пережитков», в данном случае «избегания». Известно, что любые морально-этические нормы и взгляды имеют под собой достаточно прочное материальное основание. С изменением социально-экономических условий меняется и это основание, а тем самым изменяются и морально-этические нормы. В качестве примера можно привести упоминаемое в обсуждаемой статье понятие «совесть». Понятие это исторически изменялось и по-разному трактовалось в условиях разных социально-экономических формаций и даже одной формации (например, представления о совести средневекового купца и феодала-разбойника). Кроме того, нельзя не отметить, что попытка «психологического» решения проблемы дает безграничное поле для субъективных суждений и спекуляций.

Как и многие другие социальные институты, избегание скорее всего не однозначное явление, а порождено разными общественными условиями. Так, если взять, например, бытовавший в прошлом у туркмен обычай «кайтарма» (возвращение молодой жены в дом родителей на более или менее длительный срок), то его существование в последние столетия объясняется скорее всего порядком выплаты за невесту выкупа-калыма. Весьма сомнительна прямая связь обычая избегания у адыгов с первобытной традицией. Со времени разложения у них первобытных отношений прошло много времени, которого было достаточно для устранения бессмысленного пережитка, создававшего немалые бытовые трудности. А раз обычай продолжал бытовать, следовательно, он выполнял определенные общественные функции, порожденные различными видами разделения труда (половым, возрастным, родственным, социальным) и соответственными отношениями между членами общества. Таким образом, под одним термином «избегание» скрываются разные по содержанию явления. В том виде, в котором «избегание» описывается этнографами, оно сложилось скорее всего в ходе формирования и бытования раннеклассовых отношений, сначала в виде военной демократии, а затем патриархальных (или патриархально-феодалных) отношений, сохранившихся до эпохи Октябрьской революции. Следовательно, обычай «избегания» был не более «пережиточным», чем вся общественная структура, и был одним из ее функциональных элементов. Существовало много разновидностей этого явления, и каждая из них была следствием различных общественных причин. Так, например, «избегание» оплакивания своего ребенка и аналогичные «суровые» обычаи были скорее всего порождением эпохи военной демократии. Многие виды избегания справедливо связываются в литературе с неполноправным положением женщины в патриархальном обществе. Несомненно, существенное значение в возникновении обычая избегания имела система возрастных классов, типичная для всех обществ на стадии военной демократии, а после ее разложения сохранявшаяся в условиях патриар-

Описывается по существу совершенно иная система брачных связей. Сохраняется только термин (см. Ю. И. Семенов. Указ. раб., с. 157, 158, а также с 153, 155 и др.).

хального строя. Чисто классовый характер придавали «избеганию» сословные перегородки патриархально-феодалного уклада.

С ликвидацией отсталых социально-экономических отношений и победой социалистического строя исчезла реальная основа для бытования «избегания» как общественного института. Он стал теперь действительно пережитком, не только не нужным, но и вредным для социалистических общественных отношений, и противоречит советскому образу жизни. Ссылки на разного рода этические моменты не основательны, так как формационный критерий требует, на мой взгляд, единообразной оценки социальных и культурных явлений у всех народов Советского Союза, тем более что происходит неуклонное сближение жизненных укладов советских народов, что составляет один из наиболее существенных признаков советского, социалистического образа жизни.

Соображения «взаимного уважения», «скромности» и т. п. не могут обосновать необходимости консервации отсталого патриархального обычая «избегания», тем более что эти этические нормы успешно осуществляются посредством современных форм общения.

Что же касается «стандартов» «европейской» или иной культуры, которые в прошлом в виде «моделей культуры» безуспешно пытались обосновать сторонники «психологического» направления в американской этнологии, то теоретически эта проблема была решена еще во второй половине прошлого века, когда эволюционисты провозгласили единство человечества, его культуры, управляющих ее развитием законов. С учетом законов диалектики и исторического материализма эти генеральные выводы были приняты марксизмом.

THE AVOIDANCE CUSTOM AND THE PROBLEM OF «SURVIVALS»

The study of «survivals», relics of economic, social, family, intellectual and other elements of culture and the application of this study in retrospective analysis has formed an important part of the evolutionist method of research. Evolutionist ideas have been much criticized by researchers of different schools. The concept of «survival» may be defined as a vestigial or rudimentary phenomenon that continues its existence beyond the boundaries of the social organism in which it came into being. Survivals are chiefly phenomena linked with the sphere of religious beliefs, customs, rituals. Many phenomena, especially those belonging to other spheres of life, are not really survivals and only resemble ancient institutions in their outward shape or in name or conventional term. The avoidance custom among the Adyghe, as among many other peoples, most probably does not originate from primitive times but has become formed under recent patriarchal-feudal conditions. The preservation of a patriarchal custom under Socialism cannot be justified by considerations of «mutual esteem», «modesty»; it contradicts Socialist social relations and the Soviet way of life

С. А. Токарев

«ИЗБЕГАНИЕ» И «ЭТИКЕТ»

В чем причина того, что проблема обычая «избегания», несмотря на сравнительное обилие посвященной ей литературы, не получила до сих пор удовлетворительного разрешения — ни в смысле объяснения исторических корней этого обычая, ни в смысле его однозначной